

λέξιως 'ἀπάσης τὰδ' ἐστὶ τὰ μέρη (1456b) — «речь же в целом имеет такие части»). Однако и много столетий спустя, в середине XVIII в., И. К. Готтшед в своем «Опыте критической поэтики», изложив основные сведения о частях речи, заключал: «Без всех этих видов слов поэт не может обойтись точно так же, как историк и оратор» [1, с. 226]. Такого рода обоснование все еще казалось достаточным, чтобы включать лингвистические сведения в поэтику (хотя в таком случае в поэтику может быть введена просто вся грамматика, ведь поэт, создавая произведение, пользуется при этом практически всеми элементами языковой структуры). Также следуя традиции, Готтшед включил в свою грамматику [2] основы версификации, хотя к тому времени и существовало мнение, что раздел этот в грамматике не нужен. Такую верность традиции не следовало бы считать случайной; она была обусловлена принадлежностью к единой стадии в развитии европейской литературной культуры, которую можно, пользуясь термином С. С. Аверинцева, обозначить как стадию «рефлективного традиционализма». Заложенные в античности установки литературного творчества оставались «константой литературного развития для средневековья и Возрождения, для барокко и классицизма» и были окончательно упразднены «лишь победой антитрадиционалистических тенденций индустриальной эпохи» [3, с. 3]. Различие между этой стадией и следующей, поворот к которой явственно обозначился в конце XVIII в., — «явление иного порядка, чем различие между сколь угодно контрастирующими эпохами, как то, между античностью и средневековьем или средневековьем и Ренессансом. Перед лицом глубины этого различия те контрасты необходимо выявляют известное родство — родство в рамках „аристотелевского“ цикла» [3, с. 7—8].

На протяжении XVIII в. и в языкознании, и в поэтике происходили напряженные теоретические изыскания. Языковеды работали над проблемой отделения теоретического языкознания от практики нормирования языка [4]. Поэтика столкнулась с необходимостью осознать, с одной стороны, новые явления в литературной практике (в особенности — в повествовательной прозе) и, с другой — определить свои отношения с выделившейся в самостоятельную теоретическую дисциплину эстетикой (А. Г. Баумгартен, И. Кант). XVIII век совершенно справедливо оценивается как «время, чрезвычайно плодотворное и значимое для дальнейшего развития проблем поэтики» [5, с. 56]. На рубеже XVIII и XIX вв. начинают складываться историческое языкознание и историческая поэтика, в результате обе дисциплины оказались окончательно отделенными от традиций нормативной грамматики и нормативной поэтики. Следует заметить, что этот процесс был частью общей перестройки системы научных дисциплин, в результате которой сложился и современный комплекс гуманитарных наук, сменивший традиционную ученость. Не случайно тогда же формируется современный тип высшего учебного заведения [6], складывается современный облик профессионального ученого-исследователя [7]. Достижение нового уровня знаний потребовало более ясного определения границ двух родственных дисциплин и отношений между ними. Именно в этих сложных условиях переходного периода в истории науки проходила теоретическая деятельность немецких романтиков, давших оригинальный ответ на поставленный временем вопрос.

Само обращение к проблеме «языкознание и поэтика» было обусловлено для романтиков их общими представлениями о языке и поэзии. Эти представления во многом существенно отличались от взглядов, типичных для культуры конца XVII и всего XVIII в. Необходимо оговориться: именно типичных, характерных, поскольку общее разнообразие духовной жизни этого времени чрезвычайно велико. Следует также учитывать, что хотя романтизм складывался в полемике с просветителями, его нельзя рассматривать как простое отрицание просветительства; во многих случаях романтики по сути дела развивали тенденции, заложенные в эпоху